

Языковой анализ текстов показывает, что эти произведения могли быть созданы разными авторами и в разное время. По крайней мере об одном из произведений можно с определенной долей уверенности говорить, что этот перевод был сделан не позднее конца XV в. На это указывают не только языковые особенности, но и упоминание о Новгородской земле как о государственном образовании. Как известно, Новгородская республика была подчинена Московскому княжеству в 1478 г. Таким образом, языковая неоднородность текстов Виленского сборника позволяет предположить их различное происхождение и более раннюю датировку.

Литература

1. Бразгуноў, А. Перакладная літаратура ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVIII стагоддзях / А. Бразгуноў // *Senoji lietuvos literatūra*. – Кн. 21. – 2006. – S. 171–226.
2. Перавалава, Н. Ю. «Арыстоцелевы вароты» як помнік старабеларускага пісьменства XVI ст. (графіка-арфаграфічны, фанетычны і марфалагічны аспекты): автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. Ю. Перавалава. – Мінск 2003.
3. Сперанский, М.Н. Аристотелевы врата, или Тайная тайных / М. Н. Сперанский // Из истории отреченных книг. IV. Санкт-Петербург, 1908.
4. Станкевич, Л. И. Рукописный сборник гадательно-астрологического содержания XVI в. («Аристотелевы врата, или Тайная тайных») из фонда Национальной библиотеки Беларуси / Л. И. Станкевич. – Режим доступа: www.knizhokult.narod.ru/Stankevich.html. – Дата доступа: 10.08.2016.

ВСТРЕЧА С БОГОРОДИЦЕЙ: О СТИЛИСТИКЕ НАРРАТИВНОЙ ПРИТЧИ

Е. А. Казанцева

Объектом данного исследования стал текст, записанный в 2003 г. на Браславщине от 71-летней, урожд. в 1932 г., жительницы деревни Подворинка Анны Кукуян (польки, католички, образование 7 классов советской школы). Предлагаемый монолог представляет собой спонтанную реакцию респондентки на нейтральный вопрос социолингвистического опросника («можно ли быть поляком и не верить в Бога?»). Это текст, создаваемый во время разговора или, возможно, созданный ранее, непосредственно после описываемого события, и ретранслируемый не впервые. Он отражает некий жизненный опыт говорящего, и представляет собой обобщение этого опыта, выводы, формулируемые на основе его осмысления.

Nu, Pan Buk jest na każdym miejscu. Na każd/nym miejscu. Ja kiedy żyła ; Brasławiu, to było wiele, moż(n)apowiedziec', może była dwadzieścia lat nazat... Przychodza ja, eta f sobota, nu, poszła ja, eta samaje, przyniosła wody... do domu, postawiła na te... około doma na s'cieszke, i skont nie bierz sie tako kobietka niewielka, nu, bendzie, może, taka ze mno; rostem... Przychodzi, mówi: „A jak u was pienknie tu na dworze!” A u mnie tam posadzona kwiaty, po jednej stronie s'cie... i s'cieszki tej, i pa drugiej stronie, aż do tej... nu, do drogi, dzie my chodzo;... dzie maszyny chodzo; Nu, ja mówie: „Jakie tu pienknas'c! Mówie, u, kwiaty prosta posadzone”, i nasturcyja kwitła. A ona mówi: „Chcesz, ja tobie dam astry pienknej?” A jusz było – kartofla kwitła. Ta, pos'pieszka. Kwitła kartofla jusz, to było f ten, f takim miesioncu, jak teras wo /koniec lipca/. Ja mówie: „To juszpóźna, ja jak posieja ta astra, to ona trzeba cało(n) niedziela, żeby ona wzeszła, w ziemi leży”. A ona powiedziała: „Trzy... na trzeci dzień wszędzie, jak posa... jak posieisz. Tyko posiej jak ja pójda”.

I powiedziała, i mówi: „Widziałaś na niebie raduha?” Ja mówie: „Widziała”. „;ot jak ta, jak raduha – takie i kwiaty raskwit-

non". I ja wzięła te kwiatki, położyła, i mówię: „A gdzie Wy takie kwiaty brali pienkne, siemanki, jak Wy ich chwalicie tak? Co oni mocno pienkne?” A ona mówi: „A ja po całym s'wiecie chodza, po parkach, i ja te siemianki sabr'ala f parkie”. Nu, tak mi prosta udziwiła, nu ja wzięła te siemianki i od jej, i dała jej nu taka siemia... nu, nasturcja taka kw'itniej(e), won, wije sie około s'cieszkou, na grzენტkach. Ona wzięła te, nie odpowiedziała sie. Ja dała jej wody popic', jak ona prosiła wody, i tylko siemianki, ja mys'le... poniosa, położe na stół, i ja je przepuszczza na droszka. Tylko wychodza – położyła siemianki – nu, dwie minutki, tu, piec', zaszła tut u kalidorczyk, patcze, jej nie ma. Nie, wyszła za kalitka – nie ma, nigdzie nie ma, z'nikła. Nu, tylko ona prosiła tu, jak ja pójda, pos'le mnie, i pokazała, jak raskopac' ta ziemia, jak posi'ac', fszystka. I oni wzejdon – polew'aj z rania i wieczorem, i na tczeci dzień wzejdon. Prawda. Pos'le jej – ja wypełniła jejnapros'ba – posiała. Na trzeci dzień wzeszli. Mnie udziwiła. Czego oni tak szypko wzeszli? I posadziła tam... po cebuli rassadziła, ta astra, jak ona, i za niedzielka ona i szypko wyrosła/y... Rassadziła ta astra, i pos'le... w `awgus'cie miesionce... to nie, ja po ru..., eta, awgust, to jusz naz... pos'le tego miesienca... a;gust, pos'le eto;o... zaczęły; kwiaty... Jak zaczęli kwiaty roskwitac' – wy widzieli! – to nie kwiaty, byli piwony! Jak piwony takie wielkie kwiaty – astra. Ida ja do eta wo... przez góry, przez pagór... no, przez rynek ten, a tam, koło rynku i dom, wn'izu tym był. Patcze – u ogrótczyku moim jak złoto leje sie, tak i takie kwiaty pienkne, takie prama, asz sijajo;! Ja jak pracowałam w masłazawodzie, zaniosta tam bukiecik im. Oni postawili ten buki'et – fszystkie dziwowali sie. Dwie niedzieli b`ukiet był, i... i nigdy nie wiendni`ał, i taki pienkny był, i fszystkie patrzyli na te kwiaty, mó(...), jakie, dzie ty takie cudowne kwiaty brał'a. Ja mówię tak jak raspowiedziała, to, jak połączyła sia to... Nu dobrze... Te kwiaty ja siemianki z'niela z' nich jak przekwitli, na druga wiosna – posianłajich. I te dzie jeszcze jej... dzie ona dawała, tych zastawi;szy była. Na fsiaki sluczaj, jes'li i oni nie wzejdou, to jej (z)naczy siemiany posieja, i bendo mnie takie astry, bo je raniej posieja ich. Ut. Ni jedne im wzeszli, ni drugie wzeszli. Ni te, co ona dawa;szy je zastawi;szy, i te nie wzeszli. To ja mys'le, to wielki cut! S' kiem ja m... rozmawiała tedy? Kto był to ta kobietka, chto była? Ja licza, co to Matka Boska (w) postaci... nu,

kobiety mi ukazała sie i dała te kwiatki. Tyko to jedno zostało sie, tyko ja zapytała sie;jej, dzie ona takie kwiaty, te siemianki brała, pienkny co kwiaty bendo tak mocno pienknebendo, tak ona powiedziała tak: „Po całym s'wiecie ja chodza, nu, po parkach tych, i zebrałam”, tak.

- A czy ta Pani kazała coś przepowiedzieć nad grządkami?

Nic nie przypowiedziała, ona tylko powiedziała: „Posieisz – i polewaj wodej, z rania i... abo wieczorem, i oni wzejdo; na trzeci dzień”. Jak powiedziała „na trzeci dzień”, tak oni i wzeszli na trzeci dzień.

Данный текст навряд ли можно причислить к сфере сознательного творчества (предполагающего реализацию определенной идеи, воплощение задумки, создание текста по заранее составленному и обдуманному плану), не относится он и к сфере фольклора (т.е. не является трансляцией передаваемого из уст в уста архаичного текста). Неискушенному слушателю он может показаться будничной историей о том, как незнакомка подарила бабуле-рассказчице семена цветов, и совершенно не ясно, с чего вдруг рассказчица возомнила, что она встречалась с самой Богородицей. Тем не менее, даже беглый филологический анализ текста не оставляет сомнений в неслучайности и даже каноничности его структуры.

Зачином является максима-утверждение: Бог вездесущ (*Pan Buk jest na każdym miejscu*). Далее следует повествование от первого лица, т.е. свидетельство событий, непосредственным участником которых была сама говорящая. Свидетельство подкреплено реалистичными деталями: указанием времени (*dwadzieścia lat nazat*) и места происходившего (Браслав, конкретное место работы – маслозавод), ссылкой на прочих (опосредованных) свидетелей. Обстоятельства, изначально развивавшиеся как самые повседневные, приобретают по ходу повествования все больше элементов чудесного, развивая интригу. И завершается история констатацией чуда и выводом: таинственная незнакомка была ни кем иным, как самой Богородицей в обличье странницы.

Изначально развитие истории имеет самый будничней характер: в момент, когда респондентка занималась хозяйственными делами, а именно, принесла воду, на ее подворье заходит ничем с виду не примечательная гостья (*tako kobiątka niewielka, nu, bendzie, moża, taka ze mno; rostam*). Появляется она внезапно (*skont nie bierz sie*), ее появление ничем не предзнаменовано. Хотя непосредственно в начале повествования этот фрагмент опущен, из сказанного ниже легко восстанавливается, что гостья просит о небольшой услуге (хочет напиток, воды), и ее просьбу удовлетворяют (*Ja dała jej wody popić, jako naprosiła wody*). Подобный сюжет характерен для сказок (ср., напр., сказку «Летучий корабль», «Садко») и притч: Бог, Богородица, Святые или иной «чудесный помощник» (термин В. В. Проппа) появляются под видом странников и просят о помощи либо услуге. В сказках и притчах, как правило, в условиях выбора (помочь или оказать в помощи) оказываются герой и анитгерой; в данной ситуации – при личном свидетельстве событий – понятно, речь может идти только лишь о собственном опыте, т. е. о единственном испытанном.

Далее следует второе испытание – проверка на скромность – сюжет, также распространенный в фольклоре (ср., напр., сказку «Морозко»). Гостья хвалит радивую хозяйку, вырастившую красивые цветы (*A jak u was pienknie tu na dworze!*), и та, вместо того, чтобы возгордиться похвалой, скромно отнекивается (*ja mówie: "Jakie tu pienknas'c! Mówie, u, kwiaty prosta posadzone"*), т. е. достойно выдерживает и этот тест.

После успешно пройденной проверки следует награда: странница предлагает героине семена еще более красивых цветов (*„Chcesz, ja tobie dam astry pienknej?”*). С этого момента из плоскости повседневного история переходит в сферу необычного, удивительного, хотя еще и не распознанного как чудесное. А именно, необычными являются сроки посева и всхода подаренных семян (*kartofla kwitła...: „To jusz późna” – „na trzeci dzień wszędzie*); невероятно долго стоит впоследствии букет (*Dwie niedzieli b`ukiet był, i... i nigdy nie wiendni`ał, i taki pienkny był*). Героиня, хотя и берет семена, сомневается в реальности обещанного (*Nu, tak mi prosta*

udziwiła). Неверя обещанному до конца, она переспрашивает странницу: *„A gdzie Wy takie kwiaty brali pienkne?”* Ответ (*„ja pocałym s`wiece chodza”*) лишь подчеркивает необычность встречи.

Последний мотив – вездесущести, странствий по всему миру – повторяется в повествовании трижды. С него повествование начинается (*Pan Buk jest na każdym miejscu*), он звучит в ответе странницы, и его же повтором рассказ заканчивается. Помимо символики троичного упоминания, появившегося во всех частях текста – в зачине, в основном сюжете и в финале, – следует отметить, что странствия Богородицы – распространенный апокрифический и песенный мотив, а ее присутствие повсюду, как и вездесущь Бога – один их основных постулатов христианства.

В сфере необычного развиваются и последующие события. Слова странницы находят подтверждения, а обещания начинают сбываться. Важно, что отражением обыденного, земного является небесная параллель (т. е. то, что находится вне человеческой компетенции): красота обещанных цветов сравнивается с появившейся на небе радугой (*„ot jak ta, jak raduha – takie i kwiaty raskwitnon”*); распутившиеся бутоны не только необычного размера (*to nie kwiaty, byli piwonny*), но и характеризуются необычным свечением: *jak złoto leje sie; asz sijajo;*; люди, видевшие букет, оценивают его эпитетом *ciudowne kwiaty*; впечатления респондентки и ее сослуживцев описываются такими выражениями как *fszystkie dziwowali sie, to wielki cut*; сомнений в оценке событий не оставляет и интонация рассказчицы.

Важно отметить, что по ходу событий присутствовало еще и третье, хотя и менее заметное, испытание. Точнее, условие: странница велела посеять цветы лишь после того, как она уйдет (*„Tyko posiej jak ja pójda”*) – и это условие героиня также выполнила.

Примечательно, что исчезает странница так же, как и появляется – внезапно, неведомо куда (*niema, nigdzie niema, z`nikła*).

После выполнения всех заданий начинает сбываться обещанное-невероятное. И если события, связанные с присутствием странницы, можно назвать необычными, то с момен-

та ее исчезновения начинается происходить чудесное. Семена действительно всходят на третий день (*Jak powiedziała „na trzeci dzień”, tak oni i wzeszli na trzeci dzień*) – помимо того, что это нереально короткие сроки, на необычность событий накладывается еще контекст и семантика числа три; ростки вытягиваются за неделю (*i za niedzielka ona i szytko wyrosła/y*) – и этот срок библейски маркирован; распустившиеся цветы поражают своим размером и золотым сиянием, букет не вянет.

После всеобщего (и рассказчицы, и ее сослуживцев) удивления чуда, естественно, следует попытка явленное чудо повторить. Повторить его героиня пытается разными способами: она высевает собранные с чудесных цветов семена (*Te kwiaty ja siemianki z’niela z’ nich jak przekwitli, na druga wiosna – posianła jich*), высевает семена, подаренные незнакомкой и оставленные «про запас» (*Na fsiaki sluczaj*) – попытка, как и следовало ожидать, не удается (*Ni jedne im wzeszli, ni drugie wzeszli*).

И лишь после этого к героине приходит осознание того, кем на самом деле была таинственная незнакомка: „*Ja licza, co to Matka Boska (w) postaci... ni, kobiety mi ukazała sie i dala te kwiatki*”. В монологе рассказчицы это заключение предстает как подытоживание ситуации, как вывод, но не эксплицируется, что именно подтолкнуло ее именно к такому истолкованию и оценке пережитого. Тем не менее, анализ текста позволяет указать как на общие элементы описания любого чудесного, так и на более узкие богородичные мотивы. Общими являются мотив странствия, мотив награды, внезапность появления и исчезновения странницы, появление небесного знака – радуги на небе как предзнаменования чуда, невозможность чудо повторить. Более специфичными можно назвать связь Богородицы с цветами (ср. украшение цветами икон, особенно иконы Богородицы), символизирующими, с одной стороны, чистоту, прекрасное вообще, льющими небесное сияние, а с другой стороны, символизирующими плодородие и благопожелания.

Таким образом, структура и содержание представленного текста – повествования о событиях (свидетельства событий), имеющих тайный смысл, скрывающих за видимым со-

кровенное – отражают классический притчевый канон. Но еще важнее иное.

Все отмеченное позволяет сделать вывод о том, что притчевость, по-видимому, (или притча как жанр) является элементом народного сознания: данный текст не составлен филологом, его каноны не выверялись респонденткой по справочникам – и все же текст строится по четко прослеживаемой модели в соответствии с законами жанра. Вероятно, на это могли повлиять такие факторы, как религиозность (проповеди в костелах предполагают и знакомства с житиями святых, т. е. включают повествования о явлениях чуда), возможно, знание сказок и апокрифов, также представляющих модели рассказа о чуде. Но даже если принять, что у респондентки был не один образец подобного повествования, она знакомилась с ними как слушатель, т.е. они накапливались у нее в пассиве. А вот как и когда такой запас переходит в актив, формирует в сознании модель, на которую может наращиваться собственная фабула, даже при условии наличия таланта рассказчицы – остается загадкой – или же особенностью мифологического сознания, живучего и живого в народе.

Литература

1. Агранович, С. З. Гармония-цель-гармония: Художественное сознание в зеркале притчи / С. З. Агранович, И. В. Саморукова. – М., 1997.
2. Данилова, Т. В. Архетипические корни притчи / Т. В. Данилова // Рациональность и семиотика дискурса. – Киев, 1994. – С. 59–73.
3. Кушнарева, Л. И. Эволюция притчи / Л. И. Кушнарева // Сфера языка и прагматика речевого общения. – Краснодар, 2002.
4. Пропп, В. Я. Труды. Русская сказка / В.Я. Пропп. – М., 2000.

СКАЗОЧНЫЙ ТЕКСТ «ТЕРЕМОК» КАК ФАКТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В. И. Коваль

Русская народная сказка «Теремок», как и другие довольно известные сказки – «Репка», «Колобок» – представляет собой «классический» образец кумулятивного фольклорного текста: сказочный сюжет развивается в данном случае «по нарастающей», и представление каждого нового персонажа происходит вслед за перечислением ранее представленных, уже известных «героев». Давая общую оценку русским кумулятивным сказкам, В. Я. Пропп отмечал: «Основной художественный прием этих сказок состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким способом цепь не порывается или же не рассыплется в обратном порядке» [Пропп 1976: 243].

Сравнение сюжета сказки «Репка» с содержанием сказки «Теремок» позволяет заметить, что «цепочка» персонажей в первом случае строится по принципу уменьшения, в то время как во втором сюжете – по принципу расширения ограниченного пространства, нарастания опасности: в начале сказки в «теремок» приходят крошечные насекомые (в разных вариантах сказки – муха, комар, блоха, вошь), а в ее финале – громадный медведь. При этом теремочный сюжет выглядит по сравнению с «репковским» как совершенно алогичный: «В «Репке» создание цепи мотивированно и внутренне необходимо, во втором случае («Теремок») никакой логической необходимости в появлении все новых и новых зверей нет» [Пропп 1976: 244-245].

Богатый материал, позволяющий адекватно понять данный сказочный текст, содержится в архаичных, «неадаптированных» сказках, опубликованных в первом томе «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева. Здесь представлено три варианта сказки под общим названием «Терем мухи», каждый из которых, отличаясь от других текстов деталями, завершается либо разрушением мирного

жилища зверей, либо их внезапной, ничем не спровоцированной гибелью.

В первом сказочном тексте сообщается о том, что в терем, который построила муха (муха-горюха), последовательно заселяются вошь-поползуха, блоха-попрыдуха, комар-долгоногий, мышечка-тютюрюшечка, ящерка-шерошерочка, лиса Патрикеевна, заяюшка из-под кустышка, волчище серый хвостище. Пришедший к построенному мухой терему «медведь толстоногий – тятпыш-ляпыш, всем пригнетыш» совершает жестокий и безрассудный, ничем не мотивированный поступок: он «ударил лапой по терему и разбил его».

Во втором тексте функцию помещения для животных выполняет потерянный мужиком кувшин. В него помещаются муха-шумиха, комар-пискун, мышь – из-за угла хмыстень, лягушка – на воде балакта (от *балакать* 'болтать'. – Примеч. А. Н. Афанасьева), заяц – на поле свертень, лисица – на поле краса, собака – гам-гам, волк – из-за кустов хап. С появлением медведя – «лесного гнета» – произошла катастрофа, поскольку он «сел на кувшин и всех раздавил».

Зачином третьего варианта рассматриваемой сказки является предложение «Лежит в поле лошадиная голова». В это странное и еще более неподходящее, чем кувшин, помещение последовательно заходят мышка-норышка, лягушка-квакушка, заяц – на горе увертыш, лиса – везде посकोкиш, волк – из-за кустов хватыш. Медведь, который в этом варианте сказки характеризуется как «всех давишь», умерщвляет мирно сосуществующих живущих в лошадином черепе животных: «Сел на голову и раздавил всех» [Народные русские сказки 1984: 104-105].

По аналогичному сценарию развивается сюжет и в белорусских сказочных текстах из собрания «Беларуская народная творчасць». Так, в сказке «Мышка-рандышка» в рукавичку, которую потеряла пани, поселяются *Мышка-рандышка, Жабка-чарапка, Ліска-курашчопначка, Зайчык-капуснічак; Ліс, што ўсіх пагрыз; Воўк, што ўсіх тоўк*. Появившийся Медведь (*Мядзведзь, што ўсіх пагнець*) садится на рукавичку и всех придавливает [Казкі пра жывёл 1971: 262–263]. В другом тексте – «Дзедава рукавічына» – в потерянной дедом рукавице мирно уживаются *Люгашка – па-*